

ДОРОГА

ОЛЬГА УТРИВАНОВА
Родилась в Уфе. В 1995 году окончила романо-германский факультет Тверского государственного университета. Прошла профессиональную переподготовку в Санкт-Петербургском государственном университете по специальности

«современный преподаватель русского языка как иностранного». Вдохновленная историей своей семьи на Средней Волге в тридцатые-сороковые годы XX века, особенно судьбами женщин, решила написать сборник художественных рассказов о взрослении в эти сложные

для советского человека и общества годы. В основу сборника легли многочисленные интервью с родственниками старшего поколения автора. Некоторые из этих женщин живы до сих пор, а некоторые, увы, уже ушли, так и не рассказав своих историй.

По дороге. Через лес. В гору. Под гору. Осенью, зимой, весной. В любую погоду. Бегом. Только бегом. Вот и ночью мороз был крепкий, а сегодня утром в школу. Взрослые говорят, что до школы всего четыре километра, но они с нами не ходят. Только изредка, в самую стужу, если найдутся свободный родитель и свободная лошадь, нас, деревенских ребяташек, везут в школу на санях.

– Залазьте! – говорит тогда родитель и тычет кнутом на готовые сани на краю деревни.

Тогда, в хрустальной синеве утра, мы залазим на хрустящее сено и сидим, вдыхая душистый запах, жмемся друг к другу, как дворовые воробьи.

– Но, родненькая! – говорит родитель-возница и подбирает вожжи.

Лошадка дышит белым паром, хорошо знает путь, трогается бодро. На дуге дрожит колокольчик. Темный лес еще спит. Снега молочный свет выхватывает дорогу. Сани катятся сами по гладкой накатанной колее. Снег под полозьями скрипит уютно, как старые половицы. Дорога идет сначала в гору, потом под гору, прямо к селу Тугайкино, где наша школа.

– Не замерзли? – оборачивается и спрашивает родитель в овечьем тулупе и в шапке-ушанке.

– Не-е-ет! – отвечаем хором.

А вокруг сугробы, покров за покровом, высланные бураном и метелью. Зимой они тут частые гости, а летом вместо них суховей. От крепкого мороза в лесу

то и дело трещат деревья, пугают одиноких птиц. Те каркают ворчливо и перелетают с ветки на ветку.

– У тебя, Людка, нос горбатый! – говорит в санях Аркашка, соседский мальчишка, и тычет в бок мою подругу.

– На свой посмотри! – отвечает Люда.

– И весь сопливый, – не унимается Аркашка.

– Сам ты сопливый! – говорит Люда.

Родитель смотрит на нас, качает головой и усмехается в бороду. Пушистый иней одевает ресницы: нам, родителю, лошадке. Темнота редее.

В школе до советской власти была сельская церковь: две маковки-луковицы с острыми концами, где раньше сидели кресты, венчают бревенчатый дом с небольшой колокольней. Уроки начинаются в восемь. Когда мы уже расселись за большим столом в классе, за окном рассветает. Ночь улетает в небо, выходит молодое солнце, снег блестит, как дома оклад старой иконы от дрожащего огонька свечи. Все вокруг переливается светом – белым от земли, голубым от неба, золотым от солнца. Жжет глаза.

Ну, это в самые сильные морозы. В обычный мороз на нас не тратят ни лошадь, ни родителя, ходим в школу пешком, то есть бежим. Дома, перед дорогой, кутаемся в то, что осталось от взрослых: ношенные шали, платки и старые шарфы, да так, чтобы только глаза торчали – два ярких уголька. В такую погоду, если нос оставить открытым, он быстро белеет,

можно отморозить; по кончикам наших носов мама знает силу мороза. На каждой руке по две дырявые рукавицы, иначе мороз всю дорогу кусает за пальцы.

Куцей фуфайкой от холода не спасешься. Старые валенки тесные, суконные чулки короткие, так и бегаю всю зиму с голыми коленками! Под детской холщовой рубашкой холщовые штанишки на веревке. Бежим всей гурьбой. Один на другого похожи. На санях до школы быстро, а бегом – дорога длинная.

Младшие детишки несутся без оглядки, быстро устают и отстают. Порой они так мерзнут в дороге, что начинают плакать, сначала тихо, затем навзрыд. Иные терпят-терпят да и писают прямо в штанишки, не добегая до натопленного здания школы, потом сидят в классе и сушат заледенелую холстину теплом своего тела. Подолом своей рубашки я сморкаю мокрые носы и вытираю им слезы.

– Лида, ну-ка, помоги мне, – сказала мама сегодня утром до школы, когда две старшие сестры уже сидели за прялками у керосиновой лампы, пряли шерсть на носки солдатам на фронте и пропустили свои уроки.

Я постелила корове и овцам чистую солому, дала сена, принесла со двора дров, сложила в углу. Мама возилась у печки с ухватом и душистым чугуном супа.

Когда выбежала я, запыхавшись, на край деревни, соседская ребятня уже исчезла из вида, умчалась вверх по белой дороге. В ноябре мне стукнуло одиннадцать, но в школу я хожу второй лишь год, пропускать уроки мне совсем не хочется. Теперь несусь одна, что есть мочи в гору, по рассыпчатому скрипучему снегу. На нем свежие следы от детских валенок. Под мышкой, перетянутые старой веревкой, «Родной язык» и «Арифметика», они все время падают под ноги. Ноги вязнут, колени горят.

Раньше здесь было тихо. В июне началась с германскими фашистами война, и в наш лес пришли волки. Прибежали издалека, из тех мест, где загрохотали бои и им стало страшно. Их никто пока не видел, только слышали по ночам в самые лютые морозы, как выли они, голодные, вокруг деревни. Взрослые за нас не боятся. Когда мы на санях едем в школу или бежим всей гурьбой по дороге, волки сами нас сторонятся. Они без нужды людей беспокоить не будут, если это только не бешеный волк, не голодный и не волчица, которая оберегает потомство. Так взрослые говорят об этом в деревне. А дети – это маленькие люди, значит, и нас не тронут звери.

Сейчас без привычных попутчиков лес густой и темный. Сомкнули ряды и застыли, как злые солдаты по чьему-то злому приказу, большие немые

деревья. Ветви виснут, гнутся под тяжестью снега, словно усталые плечи под тяжестью винтовок, бросают черно-синие тени на колючий непролазный подлесок. На каждом шагу замирает сердце – то затрещит и полетит вниз сук, задевая за другие ветки, как будто по снегу крадется кто-то, то жалобно вскрикнет испуганная птица, словно ее пронзили в самое сердце. Бьет барабанная дробь, отскакивает от тесного купола неба. Это дятел точит, а может быть, лечит деревья. Не знаю. Быстрее. Быстрее.

В гору тяжело. Дышу коротко, громко. Пар изо рта. – В мороз дыши носом, – говорит зимой мама, – чтобы горло не заболело.

Ну какое тут горло? Фуфайка сдавила душу, мороз сделался жарким, воздух горячим. Разматываю шею, чтоб она дышала.

Наконец! Вот она, небольшая треугольная елка, в стороне от остального большого леса. Значит, пройдено полпути. Дальше – легче, дорога льется под гору. У этой пушистой елочки до войны в мае мы переводили дыхание на мягкой хвое, лежали и смотрели в высокое небо, строили планы. Останавливаясь на мгновение, беру за кончики знакомые ветки, снег хлопьями валится на землю.

– Опаздываю в школу, – говорю я елке.

– С кем не бывает? – отвечает она молча.

Белое полотно дороги несется навстречу волнистому горизонту, а там, за горизонтом, – село и наша школа. Здесь, на пригорке, если присмотреться, кажется, можно увидеть, как в небо уходят белые столбы кудрявого дыма из печных труб. Отсюда лес редее, высота растет, широта становится шире, утихает дыхание. Над землей тает последний сумрак ночи, и белый шар солнца карабкается к верхушкам деревьев. Уже недолго. Скоро школа.

По дороге вниз смотрю под валенки, хочу попасть в следы знакомых ребятшек.

– Это Людины следы, а это Аркашка, – говорю я дороге.

Вот ребята удивятся в классе, когда увидят, что я одна прибежала. И учительница наша, Прасковья Степановна, попросит объяснения. Потом первым делом прижму свои ладони к теплой шершавой печке, пусть отогреются пальцы, чтобы могли писать. А там, глядишь, недалеко и до перемены, и до пузатого школьного чайника с кружкой горячего чая из листьев, корешков и веточек.

От бега хочется пить, наклоняюсь, загребаю горсть снега, слизываю языком. Снег обжигает небо, потом дарит свежесть.

– Мм!

Закрываю глаза.

Вдруг становится очень тихо. Останавливается воздух. Резко меняет свой запах на тонкий и острый. Еще мгновение назад все было другое. Сердце чувствует перемену, барабанит в ребра. Тяжелеют веки.

Открываю глаза силой. В глаза мне смотрят другие глаза. Раскосые. Желтые. Как человечьи. Или собачьи? Сердце дернулось и упало. Прирастаю к месту. Шагах в десяти, поперек белой дороги, стоит пегий волк. Серый, бурый, живот желтый. Как в учебнике на картинке. Седая мохнатая морда больше, чем у волчицы. Размером с крупную собаку. Круглая, сутулая спина. Хвост кучий. Волк замер на середине, подняв переднюю кривую лапу, повернул ко мне морду. Замерла и я. Заледенела. Друг на друга смотрим.

«Что же делать? Закричать на весь лес “Помогите!”? – думаю я. – Никто не услышит, – себе отвечаю. – Он без нужды не тронет, если только не бешеный, голодный или злой. А кто его знает? Ты не шевелись и стой на месте!»

Стою. И волк стоит. У него слезятся глаза, но взгляд прямой и цепкий. Левое ухо мелко дрожит. Он чуть-чуть приподнимает морду и осторожно тянет черный сморщенный нос в мою сторону.

«Любопытный», – думаю и улыбаюсь.

Волк морщит нос, скалит желтые кривые зубы. К пасти плотно прижат розовый влажный язык. Закидывает морду. Рычит. Коротко и ворчливо. Я делаю шаг назад. Он остается на месте.

– Давай, хороший, уходи отсюда, – говорю я ему тихо-тихо. – Мне в школу надо.

Слушает и молчит. Дергает головой.

– Я тебя не трону. Иди с Богом, куда шел.

Скалит зубы, морщит нос, ворчит. Стою на месте, жду.

Конечно, можно развернуться и побежать обратно в деревню. Он может погнаться за мной. Тогда я залезу на дерево и буду ждать, пока ребята всей гурьбой не побегут обратно из школы. А почему я должна старому волку дорогу уступать? Пока я эдак рассуждаю, в подлеске на краю дороги раздаётся шорох, то ли пробежал заяц, то ли вспорхнула птица. Волк поворачивает туда седую морду, нюхает воздух и медленно, раскачиваясь, ковыляя, переходит дорогу. Я жду. Жду, пока не исчезает в подлеске. – Все! Пронесло!

Сердце поднялось в ребра. Появилась сила. Без оглядки я пускаюсь вниз по белой дороге. Скоро в низине в первых лучах солнца, в дымке раннего утра показалось село. Степные холмы с трех сторон обнимают его. Дымятся трубы, на крышах высокие шапки снега, дома подпирают уличные сугробы. Две

крайние улицы, за ними другая, на четвертой наша школа. За мной увязались вприпрыжку собаки, проводили задорным лаем до самой школы.

В школьных сенях в углу метелочка, ее припас Аввакум, школьный печник. Снег сметаем с валенок строго у порога. Если снег не сметать, то в теплом классе он растает и прольется лужицей на пол, а нас, ребятишек, много, и весь пол будет мокрый. Дверь в класс тяжелая и тугая, как все двери в деревнях, обитая для тепла войлоком или старым стеганым одеялом.

В натопленной комнате, за большим, оставшимся от семьи священника столом расположились, от мала до велика, дети и склонили головы к книгам. Все классы школы сидят вместе, но учатся по разным книжкам, Прасковья Степановна распределяет задания, кому как положено. В комнате пахнет дровами, принесенными с мороза, и чаем.

Несколько ребячьих лиц и учительница отрываются от книг и смотрят в мою сторону. Учительница молча кивает и улыбается. Тихо здороваюсь и прохожу в угол к печке. Хоть он там и ухмыляется в толстые усы, как добродушный дедушка, стараюсь не попасть на глаза товарищу Сталину. Он следит за всеми с портретика на стене под потолком комнаты.

– Товарищ Сталин видит все! – часто говорит нам Прасковья Степановна.

У печки топчется Аввакум, стуча деревянной ногой, которую он зовет любовно «моя награда» за войну четырнадцатого года.

– Привет, дядя Аввакум, – шепчу я ему.

– Здорово! – отвечает он. – Иди к печке, погрейся!

В обычное зимнее утро, едва завидев маковки школы, мы бежим наперегонки к этому теплому дому. На пороге толкаемся, каждый спешит занять место у печки, там мы стоим и жмемся к железу обшивки, пока размораживаются наши тельца и души. Младшие ребятишки словно приклеены к печке, сушат мокрые штанишки.

Аввакум живет при школе, встает задолго до зари и топчет остывшую за ночь печку заранее для нас и Прасковьи Степановны. Он качает головой и смеется в бороду – «Ну сорванцы!» – у порога, когда мы врываемся, крича и пихаясь, в его сонную школу, запуская в дверь стужу. Потом Аввакум ковыляет умело обратно к печке на одной деревянной, одной здоровой ноге, встает на хорошее колено и кормит прозорливую топку полено за поленом. Печка от удовольствия трещит.

Вот и я прижалась штанишками к ней, дожидаясь конца урока.